

Александр Восьмой

**Лестница в
тысячу пролётов**

Александр Восьмой

Лестница в тысячу пролётов

«Автор»

2026

Восьмой А.

Лестница в тысячу пролётов / А. Восьмой — «Автор», 2026

Лестница в тысячу пролётов. Легендарная лестница, ведущая к небесному дворцу, насчитывает тысячу пролётов — и каждый охраняется своим испытанием. Молодой воин поднимается по ней, чтобы бросить вызов богам. Площади между пролётами — целые арены, где проходят битвы, меняющие ход истории.

Александр Восьмой

Лестница в тысячу пролётов

Глава 1. «Пролог: шёпот ступеней»

Ветер гнал по площади рваные клочья тумана, и казалось, будто сам воздух здесь был соткан из забытых имён. Площадь у подножия Лестницы раскинулась, как исполинский амфитеатр, высеченный из чёрного камня: её ярусы уходили вверх полукругом, образуя гигантские трибуны, где когда-то сидели тысячи зрителей. Теперь эти ряды были пусты, и тишина лежала на них тяжёлым покрывалом — такая густая, что в ней можно было утонуть.

Юноша стоял на самом краю, у первой ступени, и пальцы его невольно сжимались в кулаки. Его звали Кай, и он не знал, зачем пришёл сюда — знал только, что не мог остаться в стороне, когда Лестница позвала. Этот зов не звучал голосом, не бил в уши, как гром; он проникал глубже — в самую грудь, туда, где билось сердце, и заставлял его биться быстрее.

Первая ступень была широкой, как дорога, и холодной, словно лёд, хотя солнце ещё не ушло за горизонт. Едва Кай коснулся её носком сапога, камень отозвался — не звуком, а вибрацией, прошедшей сквозь подошву, сквозь кости, сквозь всё его тело. И тогда он услышал шёпот.

Это не были слова, которые можно разобрать. Это были отголоски чужих шагов, чужие вздохи, чужие клятвы, застывшие в камне. Они сплетались в единый низкий гул, похожий на дыхание огромного спящего зверя. На каждой ступени — свой голос. На этой, первой, — голос того, кто сделал первый шаг и тут же пожалел об этом.

Кай поднялся ещё на одну ступень. Площадка между пролётами открылась перед ним во всей своей грандиозной пустоте: круглая, как арена, с высокими парапетами, за которыми терялись в дымке дальние ряды трибун. В центре площадки стоял обелиск, покрытый рунами, которые мерцали тусклым голубоватым светом, будто звёзды, упавшие на землю и застывшие в граните.

Он подошёл к обелиску и провёл пальцами по одной из рун. Камень под рукой дрогнул, и шёпот стал громче. Теперь в нём можно было различить отдельные фразы — обрывки, осколки чужих историй: «...не оглядывайся...», «...они ждут наверху...», «...не верь тишине...».

Кай отдёргнул руку, но было поздно. В тот же миг площадь изменилась. Тени, до этого спокойно лежавшие в углах, вдруг потянулись, удлиннились, стали гуще и плотнее. Из-за парапетов показались силуэты — не люди, не звери, а ступки мрака, принимавшие очертания тех, кто когда-то поднимался по этой Лестнице и не вернулся.

Они не нападали. Они просто стояли и смотрели. И в их безмолвном взгляде было больше ужаса, чем в любом крике.

— Кто вы? — голос Кая прозвучал неожиданно громко, разорвав тишину, как клинок рвёт шёлк.

Тени не ответили. Но шёпот ступеней вдруг сложился в одно-единственное слово, прозвучавшее так отчётливо, будто его выкрикнули прямо над ухом:

— Иди.

Кай сжал рукоять меча, который до этого момента казался просто частью доспеха, а теперь вдруг стал единственным якорем в этом странном, зыбком мире. Он сделал шаг вперёд, на следующую ступень, и площадь за его спиной растворилась в тумане, будто её никогда и не было. Остались только ступени, шёпот и бесконечная дорога вверх.

Лестница приняла его. И теперь каждый его шаг отзывался не только в камне, но и в самой ткани мира, заставляя её дрожать от напряжения. Где-то высоко, там, где небо сливалось с мрамором ступеней, ждал небесный дворец. И боги, которые не любили гостей.

Но Кай уже не мог повернуть назад. Даже если бы захотел.

Глава 2. «Первый пролёт: клятва на рассвете»

Рассвет над Лестницей был не таким, как в обычных мирах. Он не разливался мягким золотом по крышам домов и не согревал землю ласковым теплом. Здесь свет рождался тяжело, будто пробивался сквозь толщу воды, и окрашивал ступени в кроваво-алый, словно сама Лестница истекала светом, как раной.

Кай поднялся на площадку первого пролёта и замер. Пространство здесь было не просто большим — оно подавляло своей масштабностью. Площадка раскинулась, как гигантская церемониальная площадь, вымощенная плитами из тёмно-серого гранита, исчерченного прожилками, похожими на застывшие молнии. По периметру, в строгом строю, высились статуи павших воинов — десятки фигур в доспехах, с опущенными мечами и лицами, скрытыми под глухими шлемами. Они стояли так плотно, что между ними едва можно было протиснуться, и казалось, будто это не камень, а живые стражи, лишь на мгновение задержавшие дыхание.

В центре площади возвышался алтарь — не из золота и не из мрамора, а из странного чёрного металла, который поглощал свет, не отражая его. На его поверхности мерцали руны, вспыхивающие и гаснущие в такт невидимому ритму, словно алтарь дышал.

Едва Кай ступил на площадь, статуи шевельнулись — не резко, не угрожающе, а едва заметно: один из воинов чуть приподнял голову, другой повернул плечо, третий слегка сдвинул меч. Это было движение не плоти, а самой памяти, застывшей в камне. И от этого становилось ещё страшнее.

— Ты пришёл за силой, чтобы бросить вызов богам, — прозвучал голос, хотя вокруг не было ни души. Он исходил отовсюду и ниоткуда, вибрируя в груди, заставляя зубы звенеть. — Но сила — это не клинок и не броня. Сила — это слово, которое ты готов нести до конца, даже если оно убьёт тебя.

Кай сжал рукоять меча. Его пальцы побелели от напряжения.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Клятву, — отозвался голос. — Не пустую, не для красивых слов. Клятву, которая станет твоим оружием и твоим проклятием. Скажи то, что ты не сможешь нарушить, даже если весь мир будет умолять тебя отступить.

Ветер пробежал по площади, взметнув пыль, и статуи снова шевельнулись, будто прислушиваясь. Кай оглянулся на них, и на мгновение ему показалось, что под шлемами сверкнули глаза.

Он сделал шаг к алтарю. Металл под ногами был холодным, почти ледяным, и холод этот проникал сквозь сапоги, поднимался вверх, сковывая ноги, заставляя остановиться. Но он не остановился.

— Я клянусь, — произнёс Кай, и его голос прозвучал неожиданно твёрдо, будто кто-то другой говорил его устами, — что не отступлю, пока не увижу лица тех, кто сидит в небесном дворце. Я клянусь, что не прощу им равнодушия к тем, кто страдает внизу. И если эта клятва станет моим проклятием — пусть так и будет. Пусть она жжёт меня изнутри, но не даст свернуть с пути.

Как только последние слова сорвались с его губ, руны на алтаре вспыхнули ослепительно-белым светом. Площадь содрогнулась, будто сама земля вздохнула. Статуи павших воинов разом подняли головы, и под шлемами не было лиц — только тьма, густая и бездонная, в которой мерцали крошечные огоньки, похожие на звёзды.

И тогда статуи заговорили — не все сразу, а по очереди, низким, скрежещущим голосом, в котором слышался лязг мечей и крики битв:

— Твоя клятва услышана.

— Она станет твоим щитом.

— И твоим цепями.

— Иди дальше.

Свет рун погас так же внезапно, как и вспыхнул, и площадь снова погрузилась в полумрак, окрашенный алыми отблесками рассвета. Но теперь в воздухе витало нечто новое — тяжесть, которую можно было почти потрогать. Клятва обрела форму, стала частью мира, и каждый её слог теперь был высечен не только в камне, но и в судьбе Кая.

Он оглянулся назад, туда, где терялся в тумане нижний пролёт. Вернуться было уже невозможно — не потому, что путь перекрыли, а потому, что клятва не позволяла. Она держала его крепче любых цепей, направляя вперёд, к следующему испытанию.

Кай поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени там уходили вверх, теряясь в облаках, и казалось, что они ведут не просто выше, а в другой мир — мир, где правила были иными, а цена каждого шага измерялась не временем, а душой.

Он шагнул вперёд. И первый пролёт остался позади — как рубеж, который нельзя пересечь дважды.

Глава 3. «Второй пролёт: эхо чужих побед»

Ступени второго пролёта были иными — не просто каменными, а словно сотканными из памяти. Каждый шаг отдавался не глухим стуком, а вспышкой: перед глазами Кая мелькали обрывки чужих битв, чужие победы и чужие поражения, будто сама Лестница пыталась показать ему, сколько судеб уже разбилось о её гранитные рёбра.

Он сделал шаг — и на мгновение оказался посреди бескрайнего поля, залитого багрянцем заката. Вокруг ревели боевые барабаны, звенела сталь, и воздух был густ от запаха железа и дыма. Он видел воина в алых доспехах — тот смеялся, поднимая клинок к небу, и в этом смехе было столько безумия и торжества, что у Кая защемило сердце. А в следующий миг поле исчезло, и он снова стоял на ступени, только эхо крика ещё звенело в ушах.

Ещё шаг — и перед ним развернулась осада города, чьи стены были выше облаков. Огромные осадные башни ползли по равнине, словно живые чудовища, а с башен летели огненные стрелы, превращая небо в пылающую сеть. Он чувствовал жар пламени даже сквозь время, слышал, как дрожит земля под тяжестью тысяч ног. И снова — вспышка, и он опять на Лестнице, а перед глазами пляшут огненные пятна.

Площадка второго пролёта встретила его не статуями и не алтарями, а зеркалом — но не обычным, а таким огромным, что оно занимало почти всю площадь. Его поверхность была не гладкой, а будто рябой, как вода в бурю, и в этой ряби мелькали лица, жесты, движения — отголоски тысяч историй, застывших в отражении.

Кай остановился на краю площадки, чувствуя, как его собственное дыхание становится чужим в этом пространстве, где прошлое дышало рядом, касалось плеч, шептало на ухо. Он медленно подошёл к зеркалу, и отражение встретило его раньше, чем он успел осознать.

Это был он — и не он. Тот же рост, те же черты, тот же меч на поясе... но глаза — холодные, почти ледяные, в них не было ни сомнений, ни страха, ни жалости. В этом отражении Кай увидел воина, который уже прошёл тысячу битв и перестал считать потери. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась смертельная готовность — он был готов ударить в любую секунду, не задумываясь.

— Ты думаешь, что знаешь, чего хочешь, — произнёс отражение, и голос его был точной копией голоса Кая, только в нём не было дрожи, только сталь. — Ты говоришь о клятве, о справедливости, о тех, кто страдает внизу. Но когда перед тобой встанет выбор — спасти одного или победить врага, — ты выберешь победу. Потому что иначе ты не поднимешься выше.

Кай сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева — не на отражение, а на правду, которую оно произносило.

— Я не стану таким, — сказал он, и слова прозвучали твёрдо, но где-то в глубине души он знал, что это может быть ложью.

Отражение усмехнулось — лёгкой, едва заметной усмешкой, от которой по спине пробежал холодок.

— Станешь. Или не поднимешься. Лестница не любит половинчатости. Она хочет видеть, на что ты готов пойти. Покажи мне, что ты не просто мечтатель с мечом. Покажи, что ты способен заплатить настоящую цену.

И тогда зеркало пошло рябью, и из него начали выходить фигуры — не призраки, не тени, а воплощения битв: воины, павшие в разных эпохах, с мечами, копьями, луками, в доспехах из разных миров. Они не нападали сразу — они выстраивались в круг, образуя арену, границы которой были очерчены не камнем, а самой памятью о сражениях.

Кай понял: испытание второго пролёта — не в том, чтобы победить этих воинов, а в том, чтобы встретиться с той частью себя, которая готова была идти до конца любой ценой. И если он отвергнет эту часть, Лестница сбросит его вниз. Если примет — она станет его проклятием и его силой.

Он медленно вытащил меч. Сталь отозвалась тонким звоном, будто пробуждаясь от долгого сна. В этот момент рябь на зеркале замерла, и отражения воинов застыли, глядя на него с ожиданием.

— Я не хочу становиться бесчувственным, — тихо произнёс Кай, глядя не на воинов, а на своё отражение. — Но я не отступлю. Пусть цена будет высокой, но я заплачу её. И если мне придётся стать жёстче, чтобы дойти до небесного дворца и бросить вызов тем, кто там сидит, — пусть так и будет. Но я сохраню то, ради чего начал этот путь.

Как только слова прозвучали, зеркало вспыхнуло ослепительным светом, и воины из отражений растворились, оставив после себя лишь лёгкий звон металла в воздухе. Отражение в зеркале снова стало обычным — в нём был просто юноша с усталыми глазами и твёрдой линией губ.

Площадь второго пролёта затихла, но теперь тишина была иной — не гнетущей, а наполненной смыслом. Кай понял: Лестница не требовала от него стать чудовищем. Она проверяла, сможет ли он нести тяжесть своей решимости, не потеряв себя.

Он поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени уходили вверх, теряясь в серебристой дымке, и казалось, что каждый следующий шаг будет тяжелее предыдущего — не из-за высоты, а из-за того, что теперь он нёс в себе не только свою волю, но и эхо чужих побед, ставшее частью его пути.

Кай сделал шаг вперёд. Второй пролёт остался позади — как урок, который нельзя забыть.

Глава 4. «Третий пролёт: площадь бурь»

Кай ступил на третью площадку — и мир перевернулся.

Не метафорически, не в ощущениях — буквально: здесь небо и земля поменялись местами. То, что должно было быть почвой под ногами, стало бездонной пустотой, уходящей вниз в бесконечность, а над головой раскинулось перевернутое небо — тяжёлое, свинцовое, изрезанное молниями. Ступени третьего пролёта уходили вверх, будто вырастая из самой бури, и каждый их изгиб казался вызовом законам природы.

Площадь бурь была не просто ареной — это был живой шторм, обретший форму. Ветер здесь не дул — он рвал, выдирая дыхание из груди, швыряя Кая из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Молнии били не сверху, а снизу: они вырывались из бездны под ногами и

вонзались в тучи, рисуя в воздухе ослепительные узоры, похожие на вены исполинского существа.

Кай прижался спиной к одной из ступеней, пытаясь удержаться на ногах, но даже камень под пальцами дрожал, будто сам хотел сорваться в эту перевёрнутую пропасть. Его плащ хлестал по плечам, как сотня острых лезвий, волосы липли к лицу, а в ушах стоял такой рёв, что собственные мысли казались тихим шёпотом, который тут же уносило ветром.

— Здесь не нужно сражаться! — голос прозвучал не снаружи, а внутри головы, пробиваясь сквозь грохот, как игла сквозь броню. — Здесь нужно услышать! Услышать ритм бури!

Кай стиснул зубы. Он не понимал, что значит «услышать» в этом безумии. Здесь не было тишины — только хаос, только ярость стихий, только бесконечный крик ветра.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как мир выворачивается наизнанку, и попытался сосредоточиться на звуках. Сначала это было невозможно: ветер ревел, молнии трещали, ступени стонали под напором стихии. Но постепенно, сквозь этот оглушающий шум, он начал различать другой звук — низкий, вибрирующий гул, который шёл не от ветра и не от молний, а будто из самой сути этого места. Это был пульс площади бурь — её собственный ритм, скрытый за какофонией хаоса.

Кай начал двигаться в такт этому ритму — не шагами, а едва заметными наклонами тела, подстраиваясь под волну бури. Он чувствовал, как ветер пытается сбить его, но теперь он не сопротивлялся всей своей массой — он скользил по потокам, как лезвие скользит по воде.

Когда он открыл глаза, мир всё ещё был перевёрнут, но теперь в этом безумии появилась структура. Молнии били не хаотично — они следовали определённому узору, повторяя один и тот же рисунок каждые несколько секунд. Ветер не был случайным — он накатывал волнами, и между этими волнами были мгновения тишины, едва уловимые, но реальные.

На краю площадки, там, где бездна встречалась с небом, появилась фигура — не человек, не бог, а воплощение самой бури: силуэт из вихрей и молний, с глазами, горящими электрическим светом.

— Ты слышишь меня? — спросил вихрь, и его голос был похож на раскат грома.

— Слышу, — выдохнул Кай, стараясь не потерять равновесие.

— Тогда танцуй со мной, — произнёс вихрь, и в тот же миг буря изменила свой ритм. Теперь волны ветра шли быстрее, молнии били чаще, а сама площадь начала вращаться, словно гигантская карусель, готовая сбросить любого, кто не удержит равновесие.

Кай не стал сражаться. Он начал двигаться.

Его шаги были не просто шагами — это были удары в такт ритму бури. Каждый раз, когда молния рассекала небо, он делал выпад, используя энергию разряда, чтобы усилить своё движение. Каждый раз, когда ветер пытался сбить его с ног, он поворачивался так, чтобы поток пронёсся мимо, не задев его.

Постепенно он начал чувствовать, что не просто подстраивается под бурю — он ведёт её. Его движения становились всё увереннее, и буря, словно живое существо, начинала следовать за ним, повторяя его ритм. Молнии теперь били не куда попало, а очерчивали вокруг него защитный круг. Ветер больше не пытался его сбросить — он поддерживал его, подталкивая вперёд, к следующей ступени.

Вихрь-страж смотрел на него, и в его электрических глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Не многие слышат тишину среди ветра, — прогремел он. — Ещё меньше тех, кто может заставить бурю танцевать под свою руку. Ты прошёл испытание третьего пролёта.

С этими словами вихрь рассыпался на тысячи искр, которые взмыли вверх и растворились в перевёрнутом небе. Буря начала стихать, и мир медленно возвращался в нормальное положение: земля снова оказалась под ногами, а небо — над головой.

Площадка бурь затихла, оставив после себя лишь влажный воздух и запах озона. Ступени третьего пролёта теперь выглядели иначе — не как препятствие, а как путь, который он заслужил.

Кай поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени уходили вверх, теряясь в лёгкой дымке, и казалось, что каждый следующий шаг будет не просто преодолением высоты, а встречей с чем-то, что потребует от него ещё большей глубины — не силы, не ярости, а понимания.

Он сделал шаг вперёд. Третий пролёт остался позади — как урок, который изменил не только его путь, но и то, как он слышал мир.

Глава 5. «Четвёртый пролёт: тени на ступенях»

Четвёртый пролёт встретил Кая не громом и не огнём, а тишиной — но такой густой и плотной, что она давила на плечи тяжелее любой брони. Ступени здесь были покрыты тонким слоем пепла, будто время само осыпалось с них, превращаясь в серую пыль. С каждым шагом пепел взмывал в воздух, кружился и тут же оседал, но стоило ему коснуться камня, как он начинал шевелиться, сплетаясь в очертания фигур — нечёткие, полупрозрачные, но с каждой секундой всё более плотные.

Тени становились осязаемыми.

Они не бросались на Кая с клинками и не пытались столкнуть его вниз. Они подходили почти вплотную, склонялись к самому уху и шептали — так тихо, что слова будто рождались не снаружи, а внутри его головы.

«Ты устал», — шептала тень слева, и в её голосе слышалась такая знакомая усталость, что у Кая предательски дрогнули пальцы.

«Ты не сможешь дойти», — вторила другая, чуть позади, и в этом шёпоте была не злоба, а почти жалость — от этого становилось страшнее.

«Зачем ты идёшь туда, где тебя не ждут? Там нет справедливости, только холод и равнодушие».

Кай стиснул рукоять меча, но не вытащил клинок — потому что сражаться здесь было не с кем. Тени не были врагами, которых можно поразить ударом. Они были правдой — той, которую он старательно прятал даже от самого себя.

Площадка четвёртого пролёта оказалась не круглой ареной, а чем-то вроде гигантского зала без крыши. Стены терялись в темноте, а вместо потолка над головой висело бесконечное полотно теней, в котором мелькали силуэты тысяч тех, кто когда-либо поднимался по Лестнице. В центре зала стоял одинокий постамент, а на нём — фигура в потрёпанных доспехах, с опущенной головой и сломанным клинком, лежащим поперёк колен.

Это был не призрак в привычном смысле — не мерцающий силуэт, готовый растаять от одного резкого движения. Это был человек, который когда-то был здесь, шёл тем же путём, и не смог дойти. Его глаза были пусты, но в них всё ещё тлел слабый огонёк — не надежды, а памяти.

— Ты слышишь их? — голос призрака был хриплым, будто он не говорил годами, и каждый звук давался ему с трудом. — Они не лгут. Они просто показывают тебе то, что ты боишься признать.

Кай остановился в нескольких шагах от постамента. Он хотел сказать что-то твёрдое, уверенное — но слова застряли в горле, потому что тени вокруг шептали слишком верно.

— Я... я не отступлю, — наконец произнёс он, и даже ему самому эти слова показались слишком громкими для этой тишины.

Призрак едва заметно усмехнулся — не насмешливо, а устало, как человек, который уже слышал эти клятвы тысячи раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.